

Элин
Хильдебранд

Элин
Хильдебранд

Сезон любви

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х45

Серия «Читаем везде!»

Elin Hilderbrand

THE LOVE SEASON

Перевод с английского *И. Метлицкой*

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

Печатается с разрешения литературных агентств
Carlisle & Company и Synopsis.

Хильдебранд, Элин.

Х45   Сезон любви : [роман] / Элин Хильдебранд ; [пер. с англ. И. Метлицкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Читаем везде!).

ISBN 978-5-17-085914-6

Сколько всего может случиться летом, если проводишь его на райском экзотическом острове?

Можно влюбиться навеки — или разлюбить в одно мгновение.

Можно внезапно понять, что все, о чем ты мечтала раньше, совершенно тебе не нужно, и пойти вслед за новой прекрасной мечтой.

Можно обручиться или — наоборот — разорвать помолвку буквально накануне свадьбы.

Можно тосковать о несбывшемся, мысленно перебирая прошлые ошибки и неудачи, а можно наконец сбросить с плеч их груз и начать жизнь с чистого листа...

Пока светит солнце, пока поет прибой и ветер разносит звонкие крики чаек, возможно, кажется, все.

Сезон любви открыт — отели и пляжи у моря уже принимают новых гостей!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Elin Hilderbrand, 2006

Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-085914-6

Содержание

Часть первая. Подготовка	7
Часть вторая. Званый ужин	227

*Мари Холахан, другу на все времена.
Целую и обнимаю*

Часть первая ПОДГОТОВКА

19 августа 2006 г., 06.30

Маргарита не знала, с чего начать.

Почти двадцать летних сезонов подряд она каждый божий день готовила для переполненного ресторана, но сейчас, кристально ясным утром, когда ей предстояло выполнить простую на первый взгляд задачу — приготовить ужин на двоих к половине восьмого вечера, она сидела на собственной кухне и не знала, с чего начать. Мысли вертелись, как педали у велосипеда без тормозов. Кэндес приезжает, после стольких-то лет!.. Нет, не Кэндес, тут же поправила она себя. Кэндес умерла. Приедет Рената. Малышка.

Дрожащими руками Маргарита поднесла к губам кружку с кофе. Напольные часы отбили время, как делали каждые пятнадцать минут все долгие годы безупречной службы, но в этот раз звук ее испугал. Она представила маленькую обезьянку, которая бьет в тарелки и верещит: «Маргарита! Очнись!»

Маргарита усмехнулась. «Я ведь старая зануда; начну, пожалуй, со списка».

Телефон зазвонил прошлой ночью в одиннадцать часов. Маргарита в постели читала Хемингуэя. Когда-то она с ума сходила по еде — старинным, не гибридным, сортам помидоров, бараньим голяшкам, фермерским сырам, рыбе, еще бьющейся на прилавке, яйцам,

шоколаду, черным трюфелям, фуа-гра и редким белым нектаринам; теперь единственной радостью стало чтение. Обитатели Нантакета задавались вопросом — о да, Маргарита знала, что им интересно! — чем она занимается, уединившись в своем доме на Куинс-стрит, подальше от любопытных глаз. Всем понемногу: стиркой, садом, статьями для газеты в Калгари, которые требовалось отправлять раз в две недели и не позднее пятницы... А в основном чтением. Маргарита читала по три книги одновременно. Как пресловутый шеф-повар, который готовит несколько блюд сразу. По утрам она погружалась в современную литературу, хотя была очень разборчивой в выборе авторов. Ей нравились Филип Рот* и Пенелопа Лайвли**, но, как правило, она не признавала никого моложе пятидесяти. Что они могут поведать об этом мире, чего бы не знала сама Маргарита? В послеобеденные часы она расширяла кругозор биографиями или книгами по европейской истории, конечно, не слишком заумными. Вечера посвящались классике, и когда прошлой ночью зазвонил телефон, Маргарита читала Хемингуэя. Отличный выбор для чтения перед сном, все предложения такие четкие и понятные, хотя Маргарита останавливалась через каждые несколько страниц и спрашивала себя: «И это все? Может, он имел в виду еще что-нибудь?» Причина ее неуверенности крылась в том, что вместо приличного университета она окончила Кулинарный институт, а прожитые с Портером годы только усугубляли ситуацию. «Образование помогает стать хорошей компанией

---

* Филип Милтон Рот (р. 1933) — американский писатель, автор более 25 романов, лауреат Пулитцеровской премии. (*Здесь и далее — прим. пер.*)

** Пенелопа Лайвли (р. 1933) — популярная британская писательница, лауреат Букеровской премии.

для самого себя», — любил повторять Портер своим студентам и Маргарите, когда пытался убедить ее почитать что-нибудь, кроме гастрономической энциклопедии. Да уж, сейчас он бы ею гордился.

Вчерашний звонок напугал Маргариту до полусмерти, совсем как бой часов несколько секунд назад. Она вздрогнула, книга соскользнула на пол и лежала там с неестественно загнутыми вниз страницами, как человек со сломанной конечностью. Надоедливое механическое дребезжание телефона не прекращалось, пока Маргарита нащупывала на тумбочке часы. Одиннадцать. Ей хватило пальцев на одной руке, чтобы пересчитать все звонки за последние двенадцать месяцев: пара звонков от помощника редактора газеты в Калгари, весной, как обычно, звонили из Кулинарного института с просьбой о пожертвовании, а третьего ноября позвонил Портер — он всегда поздравлял Маргариту с днем рождения. Никому бы и голову не пришло беспокоить ее в одиннадцать часов ночи. Даже подвыпивший Портер — если бы расстался со своей красоткой аспиранткой, на которой женился под старость лет! — не осмелился бы позвонить в этот час. Значит, ошиблись номером. Маргарита решила не отвечать. У нее не было автоответчика, чтобы избавить телефон от страданий, вот он и звонил не переставая, жалобно и настойчиво, как плачущий младенец.

Маргарита не выдержала и подняла трубку, предварительно откашлявшись. Так случилось, что она неделю ни с кем не разговаривала.

— Алло?

— Тетя Дейзи?

Голос звучал легко и весело, из трубки фоном доносились джазовая музыка, знакомый стук тарелок и бокалов — шум ресторана? Маргарита растерялась.

Еще это прозвище. Дейзи*. Только три человека им пользовались.

— Да.

— Это Рената! — Выжидательное молчание, потом последовало уточнение: — Рената Нокс.

Маргарита бросила взгляд через всю комнату на письменный стол. На компьютере красовался стикер с адресом электронной почты Ренаты Нокс. Каждый день, пока Маргарита час виновато бродила по Интернету, она видела этот адрес, но так и не послала ни одного сообщения. Что она могла написать? Просто поздороваться было бы бессмысленно, а добавить что-нибудь еще — опасно. Маргарита перевела взгляд на комод. Там стояли две дорогие сердцу фотографии в рамочках. Раз в неделю она аккуратно вытирала с них пыль, хотя давно уже не разглядывала. Много лет назад Маргарита досконально изучила снимки, и они навсегда врезались в ее память. Она помнила их во всех деталях, как улицы Шестого округа Парижа, как хитрости приготовления суфле. Одна фотография запечатлела Маргариту и Кэндес в «Зонтиках», где отмечали крестины Ренаты. На снимке малышку держала Маргарита. Она прекрасно помнила тот миг. Потребовалась большая бутылка шампанского «Вдова Клико» и несколько бокалов тридцатилетнего портвейна, чтобы Дэн согласился выпустить из рук дочь и отдать ее Кэндес. Маргарита сидела с подругой на банкетке, а вокруг шумело веселье. Маргарита ничего не понимала ни в младенцах, ни в грудном вскармливании. Она ежедневно кормила десятки людей, но кормящая Кэндес стала самым завораживающим зрелищем из всего, что ей доводилось видеть. Закончив, Кэндес положила малышку

---

* Daisy — маргаритка (англ.).

себе на плечо, подождала, пока та не срыгнет, а потом небрежно, словно буханку хлеба, передала Маргарите со словами: «Познакомься со своей крестной».

«Надо же, крестная!» — подумала Маргарита. В последний раз она была в церкви в день свадьбы Кэндес и Дэна, а до этого заходила в собор Парижской Богоматери в год, когда познакомилась с Портером, так что ее представления о крестных были почерпнуты в основном из волшебных сказок. Маргарита смотрела на розовый ротик, который все еще сосал невидимую грудь, и думала: «Я угощу тебя твоей первой устрицей. Я налью тебе твой первый бокал шампанского».

— Тетя Дейзи? — повторила Рената.

— Да, милая.

Бедная девочка, наверное, считает ее сумасшедшей, как и все соседи: «Искалечила сама себя, провела несколько месяцев в психушке, забросила ресторан». Или еще хуже, решила, что Маргарита не поняла, кто именно звонит. Вот бы она удивилась, если бы узнала, что Маргарита каждый день думает о ней и Кэндес.

На Маргариту вдруг нахлынули воспоминания. «Хватит! — одернула она себя. — Девочка ждет!»

— Извини, детка, ты застала меня врасплох.

— Я вас разбудила? Уже поздно.

— Нет, я не спала, читала в постели. Где ты, милая?

В колледже?

— Еще три недели каникул.

— Ах да, точно. Сразу не сообразила.

Маргарите показалось, что разговор похож на собачонку, которую она вывела погулять, и теперь та рвется с поводка. Сейчас август, значит, когда Рената вернется в колледж, она будет... на втором курсе? Позапрошлой весной Маргарита отправила крестнице пять тысяч долларов, подарок к дню окончания школы.

Кругленькая сумма, хотя кому еще Маргарите давать деньги? Рената была лучшей в выпуске, ее приняли бы и в Йель, и в Стэнфорд, но она выбрала Колумбийский университет, где Портер до сих пор возглавлял отделение истории искусств. Рената поблагодарила за подарок милым посланием, написанным витиеватым почерком, с множеством восклицательных знаков. Дэн тоже прислал сообщение на фирменном бланке своей конторы: «Ты снова перестаралась, Марго. Надеюсь, у тебя все в порядке». Маргарита заметила, что он не удосужился сказать ей спасибо. Впрочем, она и не надеялась. После стольких лет Дэн ее так и не простил. Видно, решил, что Маргарита послала деньги из чувства вины, хотя на самом деле ею двигала любовь.

— Где ты сейчас? — спросила Маргарита.

В единственном письме за год, приуроченном, как обычно, к Рождеству, Дэн писал, что Рената в восторге от занятий по литературе, упомянул о ее работе в приемной комиссии и даже о ее соседке по комнате, однако ни словом не обмолвился о планах дочери на лето.

— Я здесь, на Нантакете. В ресторане на Федерал-стрит.

Внезапно Маргариту бросило в жар, лоб и подмышки взмокли от пота, хотя климакс у нее начался еще во времена первого срока президента Клинтона.

— Неужели?

— Да, приехала на выходные до воскресенья. С женихом.

— С кем?

— Его зовут Кейд. У его семьи дом на Халберт-авеню.

Маргарита погладила растрепавшуюся атласную кайму летнего одеяла. Жених в девятнадцать лет? И Дэн разрешил? «У парня, должно быть, денег куры не клю-

ют, — цинично подумала Маргарита. — Надо же, Халберт-авеню!» Тем не менее ей не верилось, что Дэн смирится с замужеством Ренаты, пока той не исполнится хотя бы двадцать. Человеческую натуру не переделаешь. Дэниел Нокс — типичный папаша-собственник. Ему всегда претило делить с кем-то свою дочурку.

До Маргариты дошло, что Рената ждет ответа.

— Понятно.

— Его родители все о вас знают! — сообщила Рената. — Они ходили в ваш ресторан. Говорят, это было лучшее место. Им до сих пор его не хватает.

— Спасибо на добром слове.

Интересно, кто родители этого Кейда? Завсегда или забегали раз в сезон? Вспомнит ли она их имена, лица? Что еще рассказали они Ренате из того, что знают — или думают, что знают?

— Я так хочу вас увидеть! Кейд тоже хочет, но я сказала, что пойду одна.

— Конечно, милая.

Маргарита выпрямила спину; осанка сразу стала идеальной, как в балетном классе почти шестьдесят лет назад. Мадам Верже учила своих подопечных представлять проволоку, которая тянется от макушки к потолку. «Подбородок выше, *mes choux!*»* Маргарите казалось, что она сейчас взлетит от счастья. Сердце радостно колотилось. Рената здесь, на острове! Хочет с ней встретиться!

— Приходи завтра к ужину. Сможешь?

— Само собой! Во сколько?

— В половине восьмого.

В «Зонтиках» бар каждый вечер открывался в половине седьмого, а ужин подавали в половине восьмого.

---

* Мои лапочки (*фр.*).

Много лет Маргарита строго придерживалась этого порядка, почти не делая исключений и не ища выгоды.

— Обязательно приду!

— Дом пять на Куинс-стрит. Найдешь?

— Да, — ответила Рената. На заднем фоне раздался взрыв смеха. — Значит, до завтра, тетя Дейзи?

— До завтра. Спокойной ночи, детка.

С этими словами Маргарита положила тяжелую телефонную трубку на место и подумала: «Только для нее».

Маргарита не готовила уже четырнадцать лет.

08.00

Маргарита редко покидала дом. Каждые две недели ходила в супермаркет за продуктами, раз в месяц — в банк и на почту за марками. Раз в сезон запасалась книгами. Ежегодно показывалась врачу и отвозила свой джип на техосмотр. И всякий раз сталкивалась со знакомыми, хотя и не с теми, кому была бы рада. Приходилось вежливо улыбаться и здороваться. Ладно, пусть думают что хотят! И Маргарита, довольная и встревоженная собственным безразличием, тихо посмеивалась, совсем как сумасшедшая ведьма.

Но сегодня все изменилось. Собравшись рано, Маргарита почти час топталась у двери, словно скаковая лошадь перед препятствием, пока обезьянка в часах не сообщила, что можно пускаться в путь. Утро сияло. Рената придет в гости! Они вместе поужинают! Вернее, Маргарита устроит ей торжественный прием.

Вооружившись списком покупок и кошельком, Маргарита медленно шла по Куинс-стрит. Дома здесь все сплошь были старинные, с террасами, крошечными садиками и оградами из штaketника. Самая красивая

улица на острове, по мнению Маргариты, хотя она нечасто позволяла себе наслаждаться прогулками, а в это время суток вообще не выходила. Правда, иногда она бродила по Куинс-стрит зимними ночами, заглядывала в окна пустых домов, обитатели которых перебрались в места с более благоприятным климатом. Однажды ее остановила полиция, вернее, полицейский, молодой, не старше двадцати. Он включил мигалку и подошел, размахивая в темноте фонарем, когда Маргарита смотрела в окно дома в самом конце улицы. Маргарите всегда нравился этот старый, обшитый белыми досками особняк с узорчатыми витражными окнами, к тому же поговаривали, что его владельцы знают толк во французском антиквариате. Наверное, полицейский принял Маргариту за воровку, хотя и очень нервничал, когда заговорил с ней. Спросил, чем это она занимается, и Маргарита ответила, что просто смотрит. Похоже, ответ не слишком удовлетворил копа. «У вас есть дом?» — поинтересовался он. Маргарита рассмеялась и показала на свое жилище. «Вон там. Номер пять», — сказала она. Полицейский предложил ей «вернуться в помещение», пока не замерзла. Дело было накануне Рождества. Подумать только, в рождественскую ночь Маргарита слонялась по улице как бродяга или неприкаянная душа в поисках пристанища.

Маргарита дошла до Центральной улицы, повернула налево, затем направо и зашагала вниз по Бродстрит, миновав книжный магазин и французское бистро, куда перебрались все ее бывшие клиенты. Она направлялась в рыбную лавку Дасти Тайлера. Бывший Маргаритин ресторан «Зонтики», где кормили только ужином, работал с мая по ноябрь, и почти каждый день (кроме понедельника) Маргарита подавала морепродукты из лавки Дасти. Сам Дасти был